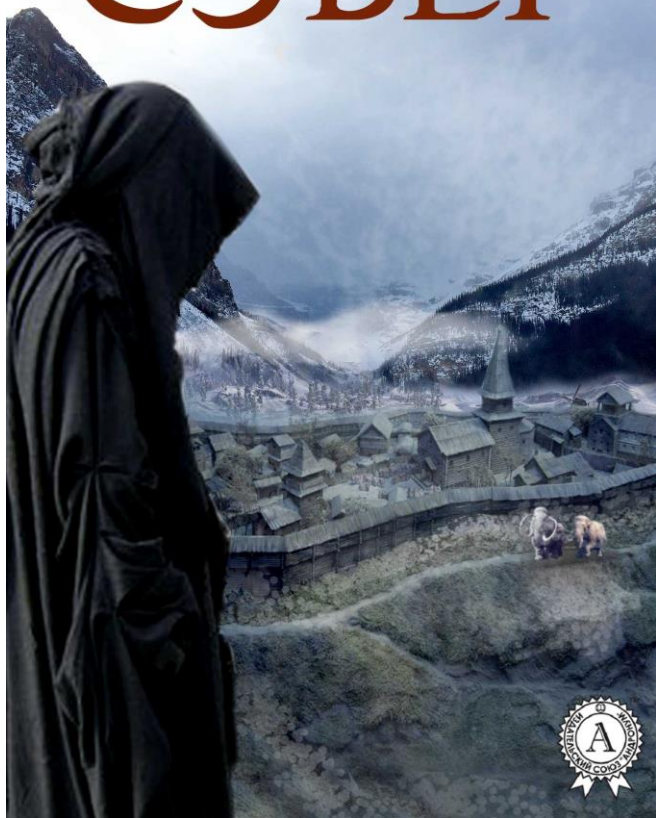

АНДРЕЙ ДМИТРУК

СУВЕР

Аннотация

Действие происходит много тысяч лет назад. Сувер — так называется счастливая страна далеко на севере. Сейчас её знают, как Арктиду или Гиперборею. Там живут общинным строем, приручают мамонтов. Но вот однажды в Сувере появляется зловецкий посланец Альдланда, страны чёрных магов, лежащей на острове в океане...

Андрей Дмитрук

СУВЕР

Сказочная повесть

Здесь по полугодьям встаёт златокудрое солнце И наполняет словами мир, именуемый Суварна. (Здесь) ниспадающие воды красивые образы принимают...

**«Махабхарата», книга «Удьюгопарва», гл. 98,
шлоки 5-6**

I

Долгой ночью было морозно, белый крупитчатый налёт пал на грозди рябины. От холода они покраснели пуще прежнего. Но такой ясный, хороший пришёл рассвет, что и рябины, и весь лес скоро забыли про студёную ночь. Среди тёмных сосен вспыхнули пламена клёнов. Под шапками охряных с прозеленью дубов поплыли лёгкие паутинки. У опушки высветилась нежная пена лишайников на вросших в землю валунах. Запахло прелью и грибами, а возле реки — гниющими водорослями. В синей воде отразился шиповник: свою листву он уже почти потерял, но был сплошь обрызган кровью ягод.

Вблизи от большой реки Ардвы стоял град

суверов Гопалар. Подходя с юга, лес обрывался у его околицы. Сейчас град был повит кисейным туманом, но всё ярче виднелись дома, окружённые садами. Дома были высоки, в три-четыре жилья. По брусчатым стенам шли рядами окна, забранные медной сеткой со слюдяными кругляшами: двух одинаковых окон нет, каждое — со своей резьбой на раме и наличнике, со своей росписью ставен. Вверху фасады круглились закомарами; покатые кровли пестрели деревянной чешуёй — алой, синей, жёлтой, белой. Кое-кто из хозяев ещё и по стенам вывел пояски или целые узоры из разноцветных плашек. Над каждым домом высились терема, их венчали шатры либо луковицы, отменно пёстрые, со спицами, на которых сверкали золочёные солнца, радужные петухи.

От дворов принёс ветер запахи горячего хлеба, блинов, свежей браги. Хозяйки куховарили с ночи, готовясь к торжеству. Мычали выгоняемые общинными пастухами на зелёный ещё луг коровы, заходились лаем псы. В загоне глухо протрубил, требуя корму, домашний индрик.

На Приречном конце града, в гавани, ветер качал у берега рыбацкие челны и большие лады, нёсшие на изогнутом носу резную голову лебедя, а на единственной мачте — ныне свёрнутый цветной парус. На другом конце, Суриновом, изо всех градских усадеб собирался люд. И вот, грянув оттуда, иные звуки перекрыла музыка. Ударили

бубны, залились дудки. Вместе с утром начинался праздник.

От Суринова конца — широкая утоптанная дорога вела на пологий холм. По обе стороны от неё лежали луга, сизо-чёрным отливали паровые пашни. Вершина холма была плоской, хоть тысяча человек на ней пляши. Но далее сплошной стеной вставали гранитные скалы. Богам ведомо, откуда в равнинном приморском крае Сувера, вдали от великого хребта Хары, взялась эта крутая серо-коричневая гряда. Не менее, чем на десяток дневных переходов — днищ, тянулась она с юга на север, постепенно понижаясь в обе стороны и исчезая в лесах. Можно было подумать, что сама Мать Сырая Земля воткнула в свои кудри каменный гребень.

Для градчан — цепь скал заслоняла раннее солнце, тени её тянулись по всему холму. Дорога вела к храму, а за ним, в самой высокой, срединной части гребня, восседал на лебеде Солнцебог.

Прямо из скалы высекли эту статую безвестные древние ваятели. За головой гиганта, вдесятеро превышавшего ростом самые старые деревья, сняли верхнюю часть гряды, так что лик бога рисовался в проёме, на фоне неба. Сурин, зовомый также Гопалой, был кудряв; от головы его расходились девять острых лучей, уже частично обрушенных. Язвы времени виднелись на

обнажённом торсе. Бог улыбался, держа вниз ладонью правую руку. В молодом лице его и в загадочной усмешке проступало нечто женственное. Могучий лебедь, осёдланный Сурином, далеко раскинул крылья — конец одного из них был обломан давним землетрясением — и шею протянул в сторону града. Полуоткрытый клюв словно издавал победный клич.

Перед лебединым клювом, сейчас — в глухой тени скал, высился храм Солнцебога. Во граде слыл он самым почитаемым. Наличники с кружевными фронтонами обрамляли большие окна; резные карнизы бежали по верху белых стен, украшенных знаками шагающего солнца, пурпурными коловратами. Столбы, державшие навес крыльца, были покрыты спиральной резьбой. Многоцветная кровля стояла шатром, верх его был срезан.

Трое священников-гопаланов, одетых в белое, ждали у ступеней крыльца; все — глубокие старики с пушистыми, колеблемыми ветром бородами. Из-под снежных бровей смотрели они, как, взойдя от града на холм, близится шумная, приплясывающая толпа: мужчины в праздничных рубахах и кафтанах, женщины в лучших своих платьях, обременённые многими ярусами нашейных цепей и бус. Иные сплели себе венки из дубовых и кленовых листьев, украсили шапки осенними цветами.

Впереди всех шёл Ратхай, выборный глава градской общины — ганы; старший в роду, дома которого занимали большую часть Суринова конца. На могучие плечи ганапат накинул плащ цвета клюквы, схваченный драгоценной пряжкой; лисья шапка с парчовым верхом покрывала седеющие кудри. Топорща пегую, каштановую с проседью, бороду, Ратхай озорно поглядывал вокруг маленькими острыми глазками. Лишь ради соответствия сану он опирался на посох из кости индрика; походка была юношески легка.

За Ратхаем следовала пара, которой сегодня надлежало слить воедино свои судьбы: Ваюр, сын Сидхана, племянник ганапата, и Агна, дочь бочара Якши. Лица их были не по возрасту строги.

Справа и слева от жениха с невестой — двое одетых в шкуры виданов, с разрисованными под звериные морды лицами, вели на поводках огромных серых медведей. Видимо, перед выходом кто-то дал последним по глотку сладкой браги: во всяком случае, звери то шли спокойно, то вдруг начинали вертеться и порёвывать, пытаясь высвободиться из ошейников. Встав на задние лапы, они оказывались чуть ли не вдвое выше человека, — но смелые, привычные виданы-зверуны быстро укрощали своих питомцев. Медведи должны были отпугивать нечисть из нижнего мира, буде та вздумает пристать к Агне с

Ваюром и навести порчу на них и на будущее потомство.

За парой готовых *кобо жению*, за её двуногой и четвероногой охраной, — шли родители жениха и невесты: чем-то похожие друг на друга, сутулые, убелённые годами отец с матерью Агны, а рядом — вальяжный, с большим животом шорник Сидхан и его столь же дородная, в шёлковом головном платке под золотым обручём, пышно одетая супруга.

Далее степенно, опираясь на посохи, шагали вечевые старцы. Они могли быть ещё не стары, как, например, глава кузнечного братства, Питар, — но именно так называли градских старейшин: знатнейших мастеров и хозяев больших усадеб. А уж вослед старцам валили, почитай, жители обоих концов, Приречного и Суринова, — человек до двухсот, все взрослые градчане, кто только мог передвигаться или не сидел при больных родичах и малых детях. Многие, собираясь, и сами хватили хмельного — и теперь веселились, как могли. Кто лупил в пастушью барабанку, кто дудел в свирель, а то и просто драл глотку, выкрикивая любимую песню, — но, как ни странно, вся эта разноголосица сливалась в гармоничный шум.

Шагов за пятьдесят от храма шествие приостановилось. Прощально визгнули чьи-то кувиклы, и воцарился тихий, слитный гул-ропот. К святыне нельзя было приблизиться, не обойдя

Сувой. Так именовалась двойная спираль, выложенная из крупных, гладко обточенных гранитных голышей. Сувой был сработан давно, камни почти утонули в траве и во мху; но дорожка, идущая между ними, чистая и плотно утоптанная, говорила о постоянном хождении. Гопаланы толковали фигуру, как изображение Вселенной: мол-де, и мировой простор, и время закручиваются таким сувоем, так что всякое событие, случившись однажды, обязано повториться на другом витке, но с увеличением силы и размаха; так что будьте осмотрительны в делах своих, люди!.. Мудрость эту оставил Солнцебог; Сувой же выложили здесь предки, дабы люди, проходя по нему, давали понять взиращему на них Солнцу, что они приобщены к его наследию. Правда, иные маловеры твердили, что дальние предки так-то устраивали на мелководье ловушки для рыбы, а уж потомки истолковали круги каменных улиток в духе учения Гопалы. Но, как бы там ни было, все, кто шёл во храм Сурина, истово обходили двенадцать оборотов спирали, а затем по прямой тропке выбирались из её центра. На лугах же, холмах и взгорьях целого Сувера, в тени боров и у моря можно было обнаружить малые подобия Сувоя: их выкладывали на счастье, о скрытом смысле мало задумываясь.

Три гопалана ждали терпеливо... Медведей, понятное дело, не пустили на крученую тропу; все

прочие послушной цепочкой прошествовали по Сувою, и лишь пара пьяных споткнулась на нём, но была подхвачена и препровождена дальше.

Наконец, толпа вновь собралась, уже перед самым крыльцом. Сняв шапку, вождь Ратхай отвесил поясной поклон и отошёл в сторону, давая дорогу жениху с невестой. Робко вышли они вперёд; держась за руки, поклонились — и встали недвижно, опустив взор.

Старший гопалан, Йемо, повинуюсь внутреннему счёту, ждал — когда придёт время начать обряд. Всё следовало проделать в определённом темпе, чтобы точно успеть к моменту чуда.

Не шевелились парень с девушкой. У Ваюра, двадцатилетнего силача с жёсткими тёмными волосами и чуть плосковатым лицом, — мать когда-то прибрела с дальнего юга, — от возбуждённого дыхания едва не лопалась на груди вышитая рубаха. В белом платье, украшенном лишь полосой домотканых кружев от ворота до подола, с бисерной лентой на густых рыжеватых кудрях, замерла статная, высокая Агна. Её опущенные ресницы дрожали, словно мотыльковые крылья, щёки-яблоки горели румянцем.

Наконец, достиг нужной точки тайный отсчёт Йемо. Пора было начинать обряд. Призывая всех ко вниманию, гопалан поднял иссохшие руки;

просторные рукава, подобия лебединых крыльев, соскользнули до локтей. Йемо заговорил.

— В годы давние, незапамятные, когда и земля-то была юной, вот как наши обручённые... — Он перевёл дыхание. Вовсе замер люд, ловя тихую, со старческой хрипотцой, речь. — Вот, в те самые годы, детушки, прилетал в наши края Сурин, ярый Гопала, бог солнца, защитник скота, податель жизни. А несла его, милые, лебедица Хамса, всем птицам на свете мать... Люди тогда, чадушка, были другие, нежели теперь: не в обиду вам будь сказано, повыше да подюжее. Да только жили они не столь дружно, как мы с вами. Всякий старался над прочими властвовать и добра себе загрести...

Хоть и далеко не впервые слышали подобную проповедь градчане, но, как обычно, при словах о столь прискорбном поведении предков — загудели и стали осуждающе качать головами.

— Прилетал Солнцебог, что ни год, накануне летнего долгого дня, и весь этот день проводил с людьми. И учил их Гопала правильной, согласной жизни. И сказал он однажды: «Научил я вас всему, что можете вместить ныне, — и уйду надолго. Не встречаться нам теперь каждым летом, не пировать радостно вместе. Вернусь я сюда в грядущие времена, но когда — того вам знать не надо. Блюдите заветы мои! Да будет вся земля у вас общей, и ловы лесные и рыбные не делите между

собой. Дома и грады свои возводите сообща. Вместе добывайте плоды земные и раздавайте их так, чтобы ни один из вас не был обижен. Обо всех детях пекитесь, как о своих собственных. Никто да не станет рабом или должником другому; просящему давайте без возврата. Вожди же ваши и священники пусть не хозяевами себя почитают, но слугами у прочих людей и заботниками об общем благе...»

Тик, тик, тик... Беззвучный, в душе, счёт подсказал: надо поторопиться. И Йемо заговорил быстрее.

— А напоследок, прежде, чем покинуть нас на многие века, Сурин-бог оставил пращурам бесценный дар. Искру самого себя, дети мои! Знайте: в Гопале два естества, мужское и женское. Оттого и огонь его дарится лишь паре. Недаром создание новой семьи зовём мы *обо жением* — уподоблением супругов богу. Вам, сынок Ваюр и дочка Агна, отныне тоже быть единым солнечным божеством: множить на земле жизнь, опекать её и возвращать. Не потеряйте же ту чудесную искру, которую сегодня отдаст вам Солнцебог!..

Не в силах больше терпеть напряжение, девушка порывисто вздохнула; и Ваюр, жених её, невольно скомкал ритуал, обняв Агну за плечи и смело взглянув на гопаланов. Но не насупился Йемо, а в длинных, до груди, усах спрятав усмешку,

сказал:

— Благо вам, дети! Если искра, принятая вами сегодня, в сердцах ваших разгорится в настоящее пламя, — счастливы будете до конца дней. И в самой большой беде не оставит вас Жизнеподатель. Со всей своей мощью придёт на подмогу к вам. Примем же его жар и свет, чада!

Перед тем, как завершить свою речь, старик прислушался к себе — и понял: пора. Едва отговорив, обернулся спиной к людям и вновь воздел руки, на сей раз обращаясь туда, где в провале гребня рисовался силуэт головы колосса. Другие гопаланы, Дживан и Савитар, повторили его жест. И, вместе со своими наставниками, народ простёр руки к божеству.

Оборвался бессознательный счёт. Поднявшись над скалами до нужной высоты, солнце ударило в затылок статуи. Гранитный лик предстал в слепящем ореоле; не только высеченные ваятелем, — подлинные лучи разошлись от Сурина.

И тут же трое священников надтреснутыми голосами запели, а народ вдохновенно подхватил гимн, чуть ли не столь же древний, как гигантское изваяние...

Солнце, солнце, медный диск,
Солнце, кошкою крадись,
В небеса взлетай орлом,

Нас укрой своим крылом;
Солнце, идол золотой,
Скот веди на водопой,
В кожу нежную, как тень,
Лица девушек одень;
Груды женщин округли,
Дай им соки всей земли;
Солнце, яростный жених,
Горький хмель просыпь на них!..

Отзвучала песнь, и гопаланы ввели пару под сень небольшого, уютного храма. За обручёнными вошли только их родители, Ратхай да два-три вечевых старца. Пахло сжигаемым смолистым деревом, сухими душистыми травами — пучки их висели по стенам, стояли в глазированных горшках. В алтарной нише — обычного мужского роста Солнцебог с золотыми лучами вокруг головы восседал на белом лебеде. У ног его кучились подношения: букеты цветов, сочные яблоки, масляно-жёлтые груши. До того, как Гопала стал прилетать к суверам, те приносили в жертву и скот, и, в особых случаях, людей: светлый бог эти обычаи отменил.

Посреди глиняного пола лежал круг из белых камней, рядом — охапки соломы и сухих можжевельниковых сучьев. В середину круга падал от верха шатровой крыши узкий и яркий столб света.

Сверкала, кружась в нём, невесомая пыль.

Каждый взрослый общинник знал: огонь в храме Сурина, во время служений, загорается не простой, не от кресала, каким хозяйки разжигают печи. Пять поколений тому назад, ведао мые высшей волей, тогдашние гопаланы нашли среди скал подземный ход. Он вёл в пещеру, где хранились вещи, должно быть, оставленные ваятелями гиганта. Были там сложные устройства, с пилами и зубчатыми колёсами: их сочли камнерезными орудиями. При попытке привести механизмы в действие они рассыпались от ветхости. Были предметы вообще непонятные, целые или истлевшие. Но одна находка поразила и своим волшебным видом, и сохранностью. Прозрачная, словно речная льдина, она походила на чечевичное зерно, лишь поперечником в шаг.

Некое время пролежала находка в доме старшего гопалана; и, видимо, бог подсказал ему, что делать дальше с этой вещью. Велено было кровлю Гопалова храма, шатёр из досок, срезать на трёх четвертях высоты, а в срезе, наподобие лежачего окна, закрепить прозрачную чечевицу. Палящим жгутом собирала она солнечные лучи, и не иначе, как с их помощью, стали зажигать священное пламя...

По сторонам кострового круга поставил Йемо брачующихся.

— А теперь возьмитесь за руки, чада! — неожиданно звонким, не стариковским голосом приказал он.

Ваюр и Агна не без трепета повиновались... Солнечный поток обрушился на их руки. Желваки задвигались под кожей стиснувшего челюсти жениха; девушка прикусила губу, но близстоящие услышали её стон. Однако и этот обряд был рассчитан до мгновений: священники прочли нараспев краткую молитву, Йемо велел отдёрнуть руки, а затем воскликнул:

— *Обо жены!* Волею Жизнеподателя, отныне вы муж и жена!..

Ваюр первым делом поглядел, что стало с рукой новобрачной; кожа лишь слегка покраснела. Уже улыбалась Агна...

Дживан и Савитар с пением побросали топливо внутрь каменного кольца. Первой закурилась солома, побежали по ней огненные жучки. Почти сразу занялся и политый маслом хворост.

Пару обожжённых *иобо женых* девять раз посолонь провели вокруг костра, сказали последние напутствия, напомнили о том, что отныне Ваюр с Агной — единая плоть, часть Солнцебога. Тем и завершён был обряд.

С гомоном и посвистом, приплясывая и крича здравицы молодым, толпа повалила обратно во

град. Теперь возглавляли действо Ратхай с вечевыми старцами, а троих гопаланов вели под руки, как почётных гостей, чьи обязанности кончились и осталось лишь право сесть за главный стол на сходбище, под самым Вечевым дубом.

Нынешний день был вдвое короче летнего; все спешили занять свои места у столов, пока не начнёт темнеть. По обычаю, до заката надо успеть выпить первые чары за молодых и за их будущих детей. Кто захочет, останется всю долгую ночь пировать до утра, — но это удел самых выносливых. Ведь завтра — трудовой день! Прямо от последней чары, лицо ополоснув и помолясь на восход, придётся идти на строительство дома. Лес для него сушится уже более года, с тех пор, как Ваюр посватался к Агне. И не будет позволено молодым остаться наедине, пока не окажутся они в своей собственной, пахнущей свежим деревом спальне. Стало быть, и стройку надлежит окончить торопясь, до первых завтрашних звёзд. Вся гана потрудится. А когда, с солёными шутками и прибаутками, чету, наконец, отправят в постель, — те, у кого сил хватит, вновь сядут за столы. Но уже не на сходбище градском, а в горнице, только что отстроенной! Свадьба нечувствительно перейдёт в новоселье...

Так ведётся в Гопаларе с лет незапамятных. Виданы-зодчие, по одним им понятным приметам,

выбирают участок для нового дома — жилища молодой четы. Поначалу строят небольшой дом, в два жилья: внизу подклет для скота и запасов, вверху, куда ведёт наружная лестница, — светлица с белёной, расписной печью да ещё малая горенка для будущих детей. Постепенно разрастается здание, словно живой куст; сыновья взрослеют, приводят жён, большой становится семья. Третье, а то и четвёртое жильё прибавляются; кто хочет, делает себе вислое крыльцо под навесом; множатся терема, переходы, сени; хозяева пристраивают башню-повалушу, куда приглашают гостей на пир. И всё это, изнутри и снаружи, — в росписи, в деревянных узорах, рельефах и кружевах...

Но начинается — с общей свадебной стройки, под нарочно для неё сложенные народом песни; с дружной работы, больше похожей на пляс или на красочное представление.

Шествие змей вилось по дороге между холмом и градом, когда подруга Агны, Сарамы, дочь Питара, шагавшая рядом с новобрачной, вдруг будто споткнулась — и, указав куда-то в небо над пёстро-чешуйчатыми маковками, удивлённо сказала:

— Глянь-ка, летит!..

Сарамы славилась остротой глаз, но вскоре заметили и другие: из безоблачной выси, оставляя длинную реку дыма, по кривой снижалось нечто

летающее.

«Солнцебог возвращается», пронёсся радостный ропот. «Вернулся, батюшка, по обету!..» Шедшие смешались, немало людей рассыпалось по лугу, чтобы свободнее видеть. Кто-то заголосил восторженно, другие запели гимн Сурину. Зверуны едва удерживали перепуганных медведей.

Однако спускалась с неба вовсе не лебедица с восседающим на ней Гопалой. Досчитать до тридцати не успели бы, — стал хорошо виден воздушный корабль. Впрочем, он мало походил на парусники суверов. Массивный, с закруглённым дном, корабль был обшит железными листами и расчерчен рядами заклёпок. Небольшое строение виднелось на палубе, за ним пара чугунных труб извергала копотный дым. Крылья походили на плоские крыши амбаров: на их передних краях дрожали два призрачных круга. И, вовсе отличая это судно от водяных, четыре тележных колеса были укреплены на осях под его длинным брюхом.

Снижаясь, корабль всё громче пыхтел, из бортов выдыхая струи пара, гудел и стучал заполошно, словно мельница, чьи крылья вертит буря.

Ужас охватил гопаларцев. По дороге и по полям народ бросился ко граду. Медведи вырвались у поводырей и бежали с зычным рёвом, опрокидывая встречных. Оружия ни у кого не было,

суверы давно не воевали между собой, а о вторжениях с моря говорили самые ветхие летописи.

Перед лицом угрозы, быть может, нечеловеческой, вновь первенство обрели гопаланы. Все трое, в белых одеяниях, с развеваемыми ветром бородами и волосами, остались стоять, наблюдая за кораблём. К священникам, дабы не потерять достоинство, присоединились Ратхай и Питар; затем подтянулись прочие вечевые старцы и главы ремесленных братств. Кое-кто надеялся на свои кулаки да на засапожный нож, прочие верили в духовную силу гопаланов.

Летун тем временем снизился, описывая сужающиеся круги (дым рисовал в воздухе лохматую спираль) — и, наконец, помчался по наклонной прямой к пашне. Коснувшись её, некоторое время катился на своих колёсах; тяжело, с громоханием, подпрыгивал на бороздах. Наконец, застопорил возле дороги, почти напротив ожидавших его знатных градчан. Из-под кормы обильно потёк белый пар, за клубился, окутывая судно. Теперь видно стало, что круги образованы бешеным вращением гнутых пластин на оси, и вращение это замедлялось.

С неким, почти смешным куриным кудахтаньем пластины остановились. Стихли

гудение и стук. Со скрежетом и лязгом отвалилась от борта дверь, и вниз поползла железная лестница.

II

Тьма едва отступила от Альдланда и его бессонной столицы, когда в недрах Дома Всевидящих Глаз застрочила машина связи, на бумажном выползающем листе печатая паучьи знаки.

Панель машины моргала сотнями огней, в круглых рамах дрожали стрелки датчиков. Сидя за столом, в фокусе дуговидной панели, дежурный министр-связист вынимал лист из печатающего устройства, пока ряды знаков не оборвались. Тогда лист был положен в упругий, негнущийся конверт с эмблемой Шести.

Покончив с этим, дежурный встал. В свете квадратных плафонов сверкнули серебряные нашивки на свинцово-сером кителе. Достав ключ, прикрепленный на цепочке к поясу, министр отпер ящик стола, вынул оттуда печать с иероглифом заклęcia и шлёпнул её на конверт. Оттиск сначала полыхнул воспаленным светом, затем почернел. Теперь любой посторонний, пытаясь вскрыть или разорвать конверт, мгновенно потеряет сознание.

Затем печать спрятали, ящик заперли, а ключ вернули под китель. Сунув конверт во внутренний

карман и надев серую каскетку с кокардой, связист вышел из аппаратной.

По соседству, в классной комнате, напарник обучал совсем юного стажёра заклинаниям для меняющихся текстов. Особо секретные сообщения приходили в виде совершенно пустых рассказов о природе и погоде либо даже полной бессмыслицы; тогда лишь определённые, сказанные вслух фразы могли спугнуть охранную ларву. Тем самым, снималось искажение и делался ясен подлинный смысл написанного.

Привычным *вторым* зрением министр увидел нечто мохнатое, с ежа величиной; торчком поставив шерсть и выпучив водянистые глаза, оно сидело на столе, на отпечатанной странице. Но вот напарник окончил говорить нараспев, сделал жест изгнания — и тварь, послушно скакнув в сторону, растаяла посреди прыжка. Ещё один текст был свободен от охраны. Однако, призванная другими словами и обратным движением руки учителя, ларва вернулась. Стажёр послушно и неуклюже пытался повторить заклинание. Увидев дежурного, он вскочил, щёлкнул каблуками и вытянулся.

Попросив напарника занять его место возле машины связи, министр покинул комнату. Высокие подкованные сапоги гулко протопали по коридору. Словесной формулой, неведомой посторонним, молодой человек вызвал лифт и

спустился вниз, к выходу.

Полумехи у раздвижных дверей, также одетые в форму, с одинаковыми лицами цвета рыбьего брюха и огнебойными трубками в руках, не мигая воззрились на идущего и сделали шаг вперёд — перехватывать. Но он заклил живых мертвецов, и те отступили.

Молодому связисту такие церемонии не были в тягость, а, наоборот, нравились. Как и большинство учеников, стажёров, министеров, живших надеждой стать магусами, — он пребывал в ощущении неизменной полноты жизни, непреходящей радости.

Не колеблясь, верить в Истинное Царство и в правящего им Неназываемого; не сомневаться в своей способности управлять живущими там ларвами и демонами; беспрекословно подчиняться более *продвинутым* — таковы были основные правила идущих по ступеням Постижения и Власти. Кто эти правила искренне, не из боязни, соблюдал, тот в Альдланде не ведал горя. Даже сны его были блаженны, исполнены сцен владения обоими Царствами: во сне будущие магусы предавались острым наслаждениям или творили изысканную расправу над непокорными... что, впрочем, и было одним из основных блаженств.

Собственно говоря, *иных* среди тех, кто был отобран магусами среди альдских детей и взят на

обучение, — иных и не нашлось бы. Если кто, попав в сообщество обучаемых, со временем начинал лениться, отлынивать, — конец приходил скорый и неотвратимый. Причём, недостойных никто не наказывал лично: само магическое поле, пронизывавшее учебные центры, выбраковывало их, возвращая в ряды профанов.

За годы учёбы связист, как и большинство его сотоварищей, ни разу не был предупреждён (наказаний не существовало, только пара предупреждений — и мгновенный переход в низшую касту); ни разу не вызвал недовольства наставников. Счастливые люди наставляли счастливых, и счастье их заключалось в отсутствии выбора. Выбор делался изначально — лучший из возможных!

То, что для прочих было непокорной внешней реальностью, судьбой, — с точки зрения посвящённых, составляло лишь иллюзию, Мнимое Царство, легко изменяемое волей, заклинанием, жестом. И состояние могущества сохранялось, да что там — делалось более полным даже после физической смерти магуса, под землёй, вблизи от Неименоваемого...

Дом Всевидящих Глаз, где помощники магусов, министеры, принимали вести от находящихся вдали посланцев Шестерых, стоял в тылу прямоугольного двора. Ограды не было,

подходы охраняла магическая защита. Задняя стена Дома выходила на канал, обрываясь в безжизненную смоляную воду. Канала также не опасались. Однажды связист видел, как на другом берегу парни, пьяные веселящим газом, столкнули своего товарища с парапета. Его отбросило назад, и юнец рухнул без дыхания. Друзья же, словно ничего не заметив, с криками пошли в обнимку дальше. Так воплотились сразу два принципа жизни альдов. Можно быть свободным до тех пор, пока не перейдёшь один из установленных пределов; но уж если перешёл — исчезаешь для всех, о тебе забывают даже ближайšie родственники. Впрочем, будучи очень старательным, а стало быть, и посвящённым во многое, молодой человек знал дальнейшую судьбу исчезнувших. Их сущности, провалившись в Истинное Царство, становились ларвами и искупали свою вину службой магусам; тела же поступали на изготовление полумехов.

Выйдя во двор, министр слегка поёжился: рассвет был пасмурным, кожу пощипывал озноб. Он позвал кратко... Один из парокатов, стоявших на красной полосе, послушно выехал из ряда и устремился к связисту. Красная полоса была местом для дежурных машин, их котлы грелись круглые сутки.

Чёрный, похожий на опрокинутую лодку, с прожектором впереди и дымовой трубой за

кабиной, парокат остановился рядом. Ларва за рулём, видимая министру, как существо вроде лягушки, только шестиногой, боковой лапой отворила дверь. Проверив наличие конверта за пазухой, он устроился на сиденье. Поршни забили громко, часто; парокат описал дугу и помчался прочь от квадратной башни Дома.

Потоки парокатов лились городом, в холодной тени подоблачных тысячеоконных стен. Многоглазые полумехи на перекрёстках регулировали движение, выставляя внушаемую преграду то на одном, то на другом направлении. Профаны торопились, исполняя волю Шестерых, впечатанную в подсознание каждого. В Альдланде никто, кроме магусов, не избирал себе род деятельности. Будучи уверены в своём добровольном выборе, люди, тем не менее, занимались тем, что требовалось Дому Власти: становились механиками, земледельцами, чиновниками, командирами боевых звеньев полумехов... Профессиональные знания и навыки также внушались — быстро, надёжно. Ни сам альд, ни его близкие даже не замечали своих переселений, глубоких перемен в своей жизни; не дивились тому, что вчерашний столичный цирюльник вдруг начинает тянуть сети на берегу океана или водить дальнорейсовые грузовики...

Фасады вздымались всё выше, сгущался мрак

под ними, разрезаемый прожекторами парокатов. Министру было отлично известно: в окнах стоит не простое стекло, а заговорённое. В свободное время альды, не знавшие ничего, кроме своей работы и самых грубых радостей, подчас вели себя достаточно буйно. Проведав после трудового дня подвал с веселящим газом, люди вполне могли затеять дома сокрушительный скандал. Чтобы не выпустить тёмную энергию наружу, строители заколдовывали окна. Эманацию семейных разборок, нередко кровавых, определённым путём собирали из квартир и накапливали для магических надобностей...

Бух! Прервав ход мыслей молодого человека, парокат резко затормозил; последовали удар обо что-то мягкое и чуть слышный звук падения. Министр вышел. Оказалось, внезапно выбежав из подъезда, — не иначе, как вследствие домашней свары, — угодил под колёса старик. Ларва за рулём не успела среагировать...

К своему везению, — ибо со старыми и безнадёжными врачимагусы не церемонились, — старик умер мгновенно, сшибленный передним стальным щитком; колёса наехали уже на мёртвое тело. Следя, как из-под мешковатого тускло-синего костюма расплзается по мостовой бордовая лужа, связист одновременно впитывал освободившуюся жизненную силу. Один из немногих на своём

уровне *продвижения* , он хорошо это умел: недаром молодого человека ставили в пример другим... Министер почувствовал себя необычайно бодрым; краски сделались гуще, громче и яснее — звуки. Пожалуй, сегодня вечером он найдёт себе женщину в одном из домов ласки. Возможно, женщину-полумеха, с несколькими ртами и конечностями; они лучшие любовницы, чем живые. Ах, ему бы да побывать на поле боя, рядом с гибнущими и ранеными: вот где неиссякаемый родник бодрости!..

Никто из ехавших мимо даже не приостановился. Лишь, когда связист уже отъезжал, из-за угла выкатился двухтрубный фургон: прибывали полумехи-мусорщики.

За кварталами высотных домов, с помощью сильного заклинания одолев мост через прямой, как луч, одетый в плавленый камень канал, министр выехал на площадь перед Домом Власти.

Ни стен, ни оград не виднелось вокруг. Зачем? Подходы к зданию оберегали самые могучие демоны. Связисту, на миг напрягшем *второе* зрение, явились исполинские образы, столь кошмарные, что долго созерцать их было немыслимо...

Площадь была громадна. Вдали, с обеих сторон, виднелись багровые колоннады казарм. Там, в полудрёме до слов пробуждения, жили

боевые полумехи, существа, у которых части, взятые от наиболее крупных и сильных мужских тел, были сращены с резаками и огнестрелами. Связист видел их на парадах.

А ведь из принятого донесения следует, подумал он, что в отдалённом углу земли, в неведомой ему стране Сувер, скоро начнутся военные действия. Нет, прямо об этом не сказано, — но он уже давно научился читать между строк...

Дом Власти являл собой правильный куб, размером превосходивший жилые громады. Ни одного окна не было на хмуро блестящих полированных гранях: Шестеро, их штат и охрана видят не в том свете, что обычные люди. Здесь действовала верховная магия, по сути, восходящий и нисходящий потоки силы между Мнимым и Истинным Царствами. Оттого в Доме, и поблизости от него, не разрешено устанавливать ни машины связи, ни какие-либо иные аппараты, вырабатывающие энергию. Взаимное искажение потоков могло быть чудовищным, последствия — невообразимыми.

Ещё раз проверив целостность конверта, министр оставил парокат возле входа и вошёл под сень серо-чёрных долеритовых колонн, нёсших на себе брус архитрава. Никаких украшений, гладкость и мощь. Он глянул на себя в отражении на

мраморной плите стены: всё в порядке, форма идеально пригнана, козырёк, по уставу, на середине лба; серые глаза под густыми изогнутыми бровями как бы соревнуются в серьёзности с ровным, слегка надменным ртом. Подбородок твёрд; лицо воина и знатока тайн. Да, брови слегка легкомысленны... но не выщипывать же их, в самом деле, как женщины из домов ласки!

Шагом, напоминавшем строевой, пройдя через простую, но величественную прихожую (чёрный мрамор и бронза карнизов), министр ступил на эскалатор, и тот сразу двинулся вверх. Никакой стражи или встречающих, никаких требований сделать условный жест или заклясть охранных ларв. Его ожидали, знали о приходе. Путь был свободен.

...Раздвинулись половинки массивных дубовых дверей. Комната была невысока и скромна: ни волшебных знаков на стенах, ни магической утвари, лишь стол посередине, с шестью гранями, да пятеро в кожаных креслах — возле него. Пятеро. Шестой отсутствовал, но связист знал, для Кого предназначено пустое кресло и Кого здесь всегда ждут...

Сидящие кутались в накидки цвета воронова крыла; лица их скрывали одинаковые, с полумесяцами улыбок, белые маски. Маски без прорезанных глазниц. Каждый раз, когда министр

видел их, он неизменно вспоминал две фразы магуса-наставника. «На высшей ступени познания чёрное — это белое и белое — это чёрное...» «Тому, кто видит в благодатной Тьме, ни к чему земные глаза, воспринимающие лишь пустой, поверхностный свет». Вспоминал — и думал столь же неизменно: а есть ли глаза под масками Шестерых, или, может быть, они выжжены за ненужностью? Вспоминал, думал... и со столь же неотвратимой повторяемостью забывал о своих мыслях, пришедших в Доме Власти.

Все маски, как одна, обернулись к вошедшему.

Перестукнув каблуками и уронив голову, связист выбросил перед собой руку с конвертом. Что-то резко вырвало ношу из пальцев и отнесло её на середину стола.

Миссия была выполнена. Никто не сказал ни слова, но молодой человек понял, что его благодарят и разрешают удалиться. Прижав руку к сердцу, не поднимая глаз, он попятился. Разошлись и вновь сомкнулись за ним створки дверей.

...Министер не мог видеть, как пятеро неторопливо развернули свои накидки и сняли маски. К счастью своему, — не мог... Тот, кто сидел справа от пустого кресла, иссохшей рукой с длинными острыми ногтями провёл над нераскрытым конвертом. Ладонью описал круг над

ним... раз, другой, третий. И сказал, почтительно обращаясь в пустоту:

— Инкэри уже на месте, Неименуемый. Скоро он приступит к основному делу.

...Молодой человек с любопытством глядел на небо. Низко над проспектом, над серыми башнями плыл клин кораблей. Летели грузовые баржи, трёхтрубные, широкодонные; можно было различить ряды заклёпок на брюхе и каркасы полупрозрачных крыльев.

Баржи ушли за кровлю, оставив медлительные реки дыма и затихающий сумрачный рокот. А связист всё смотрел им вслед, лихорадочно припоминая: зачем это он вдруг передал своё место у панели напарнику и отправился в центр столицы? Что он тут делал, да ещё на дежурном парокате? Нет, положительно надо отдохнуть — и как следует встряхнуться ночью...

III

— А это ремесло, брат, у нас ещё от тех идёт, кто Солнцебога высекал. Мастер передаёт ученику, тот — своему, и так до сей поры.

Сидя на лавке у обеденного стола, Ратхай внимательно следил за гостем. Со двора нёсся озорной перестук, это подмастерья сколачивали навес для воздушной ладьи, — она теперь стояла в